

Анализ рассказа Даниила Хармса «Сундук»

Ольга Гордийчук (образовательная программа «Филология»)

«Меня интересует только “чушь”;
только то, что не имеет никакого смысла.

Меня интересует жизнь только
в своем нелепом проявлении»¹.

Даниил Хармс

В рассказе «Сундук» (из цикла «Случаи»), написанном 30 января 1937 года и опубликованном в 1971 году в тамиздатовском журнале «Грани» (№ 81), описано, как в бытовой обстановке случаются необычные происшествия – человек залезает в сундук и наблюдает, как за его судьбу борются жизнь и смерть.

Текст шокирует с первого предложения: «Человек с тонкой шеей забрался в сундук, закрыл за собой крышку и начал задыхаться»². Здесь непонятно все: какое значение имеет упоминание о тонкой шее, зачем человек по собственной воле забрался в сундук, неизбежно или намеренно он начал задыхаться. Понять это, кажется, невозможно, потому что данные

раньше ответы об устройстве мироздания не подходят. В новой разрушенной реальности приходится искать иные пути выхода из тупика. И в этом смысле сундук и человек,

¹ Дневниковые записи Даниила Хармса / Публ. А. Устинова и А. Кобринского // Минувшее: Исторический альманах. № 11. М.; СПб.: Atheneum: Феникс, 1992. С. 501.

² Здесь и далее рассказ цитируется по: Хармс Д.И. Сундук // Хармс Д.И. Случаи: Избранные произведения. Письма. М.: Эксмо, 2006. С. 329.

добровольно в сундуке оказавшийся, – вполне олицетворяют ощущение человека в «новом мире».

Ряд сказуемых «забрался, закрыл и начал задыхаться» указывает на самостоятельность действий, собственное желание их совершить и довести до конца. Здравый смысл, разумеется, не предполагает такого поведения, но Хармс словно напоминает читателю, что критерии здравого смысла не определены и можно вести себя как угодно.

В двух предложениях мы трижды читаем о том, что у человека «тонкая шея». С одной стороны, это настойчивая, почти назойливая характеристика позволяет нам приблизительно представить внешний вид героя, с другой – добавляет абсурда, потому что «тонкая шея» не объясняет и не оправдывает поведение персонажа. Из текста может показаться, что «тонкая шея» – какой-то недуг или настоящая болезнь, которая мешает нормально дышать, но это не так, ведь человек с толстой шеей мог бы чувствовать себя еще хуже в закрытом сундуке.

Как только герой говорит, что задыхается из-за тонкой шеи, в следующем предложении появляется уже другая причина: «Крышка сундука закрыта и не пускает ко мне воздуха». То есть виновник надвигающейся (или уже случившейся) трагедии не сам человек, а крышка – будто «давят обстоятельства». А в следующем предложении мы узнаем, что на самом деле герой может открыть эту крышку, но «все равно» не сделает этого. Почему? Ответить на вопрос невозможно, потому что никакой логики в мире нет. И каждое предложение в рассказе противоречит предыдущему.

Однако физиологические процессы при всей бессмысленности мира все-таки устроены по некоторым правилам, которые нельзя отменить или изменить, – без кислорода человек умрет, и герой рассказа это понимает, но относится к происходящему с ним как к зрелищу: «Я увижу борьбу жизни и смерти», – говорит он отстраненно, словно речь идет не о его собственных жизни и смерти. Все же, несмотря на то, что герой признает гипотетическую возможность смерти от удушья, он допускает и шанс неестественного хода событий и даже уверен, что именно с ним так и произойдет – борьба смерти и жизни случится «при равных шансах».

В рассуждениях героя жизнь заведомо проигрывает смерти, хоть и наполнена напрасными надеждами. Причем и жизнь, и смерть будто не присущи самому герою, а существуют отдельно. Он словно наблюдает, что будет более предприимчивым и найдет подход к его воле – заставит ли его что-то открыть крышку или заставит не открывать: «Посмотрим: кто кого?» – азартно задается вопросом герой.

В эти экзистенциальные размышления врываются совершенно бытовые мысли: герою не нравится запах нафталина в сундуке, и если жизнь победит, то он сделает эту жизнь лучше –

станет посыпать вещи махоркой, запах которой нравится ему больше. Прерываются эти бытовые мысли многоточием, потому что происходит что-то более весомое – человек «больше не может дышать». «Я погиб, это ясно! Мне уже нет спасения! И ничего возвышенного нет в моей голове. Я задыхаюсь!..» – отчаянные мысли героя показывают, что на смертном одре ни о каких мысленных экспериментах думать невозможно, остается отчаяние и страх переходить в другое состояние, переступать порог между жизнью и смертью. На этом моменте необходимо вспомнить первую часть рассказа, где герой совершенно спокоен – ни одного восклицательного знака, ни одного возмущения, простая констатация фактов. В состоянии же «на грани» герой не может сдерживаться – вопросительные, восклицательные знаки, многоточия демонстрируют смятение, растерянность и нехватку слов, чтобы их выразить. Герой не может понять и описать, что случилось: «что-то произошло» и «я, кажется, умираю» затем вновь превращаются в простую констатацию «мне нечем дышать».

Здесь могла бы начаться третья часть рассказа – состояние героя после смерти. Но герой не умер, несмотря на все предпосылки сюжета и догадки читателя, и он сам не знает почему: «Значит, жизнь победила смерть неизвестным для меня способом», а фразу «кажется, у меня болит шея» опять можно объяснить с физиологической точки зрения – в сундуке отлежать шею несложно.

«Жизнь победила смерть» – заключает рассказчик, но падежи расставить нужно читателю. И при любой интерпретации этого предложения рассказ в общем выглядит парадоксально. Если жизнь победила, то почему герой задыхался и, по его мнению, перестал дышать? А если победила смерть, то как же он мог констатировать обратное?

Кажется, что Хармс описывает невозможную ситуацию, какой-то пустяк, из-за которого человек мог бы потерять (или потерял) жизнь. Как пишет литературовед Валерий Сажинз, Хармс считал, что человек существует не в определенном месте, а в вечности, поэтому все, что происходит с ним в кратковременном мире – скверная ерунда, и живущие в нем люди должны всем видом демонстрировать свое отвращение к этому миру. Герой «Сундука» так и поступает – он пускает свою судьбу на самотек и со стороны, не вмешиваясь, наблюдает за борьбой жизни и смерти.

Как нам кажется, рассказ «Сундук» по-новому подсвечивается в контексте «Разговоров» Липавского. Приведем для примера такую цитату: «Д. Х. сказал, что его интересует (7). Вот,

---

³ Сажинз В.Н. Примечания // Хармс Д.И. Полное собрание сочинений: В 3 т. Т. 2: Проза. Драматические произведения. Авторские сборники. Незавершённое / Сост., подгот. текста, примеч. В.Н. Сажина. СПб.: Академический проект, 1997. С. 319–390.

что его интересует: [...] Устройство дома, квартиры и комнаты (15). Одежда, мужская и женская. Вопросы ношения одежды. Курение (трубки и сигары). Что делают люди наедине с собой. Сон. Пение»⁴. Все эти образы описаны или упомянуты в «Сундуке». Разберем подробнее и сопоставим интересы Хармса с цитатами из «Сундука»: первыми будут идти интересы, вторыми – цитаты: – «Устройство дома, квартиры и комнаты» – «Почему я вижу всё, что находится у меня в комнате? Да, никак, я лежу на полу!». К тому же всё действие рассказа происходит в комнате. – «Одежда, мужская и женская», «Вопросы ношения одежды» – «На стульях и кровати лежали вещи, вынутые из сундука». – «Курение (трубки и сигары)» – «Если победит жизнь, я буду вещи в сундуке пересыпать махоркой...». – «Что делают люди наедине с собой» – «Человек с тонкой шеей забрался в сундук, закрыл за собой крышку и начал задыхаться». На протяжении всего рассказа мы видим, как герой взаимодействует сам с собой. – «Пение» – «А это еще что такое? Почему я пою?».

Как видно, выбивается из этого ряда только «Сон» – единственный «интерес» из цитированных выше, который напрямую не отображается в рассказе. Можно предположить, что он присутствует косвенно, и случай в сундуке следует интерпретировать как сновидение «человека с тонкой шеей». Проснувшись, он обнаружил себя на полу; вещи, которые во сне лежали в сундуке, были разбросаны по комнате; а сундука вовсе не было. И тогда весь рассказ кажется более объяснимым. Но эту идею мы считаем второстепенной, так как не ставим своей целью объяснить сюжеты Хармса бытовыми событиями. Однако отметим, что вообще мотив сна очень интересовал обэриутов и играл большую роль в сборнике «Случай».

Таким образом, если образы «Сундука» так сильно соотносятся с интересами Хармса, то смеем предположить, что главная мысль рассказа «жизнь победила смерть, где именительный падеж, а где винительный» важна не только для героя рассказа, но и для автора. В мире кромешной тьмы и бессмысленности все-таки остаются вопросы, над которыми интересно рассуждать, хотя ответа на них заведомо нет. Точная дата написания рассказа – 30 января 1937 года, ассоциируемая с Большим террором определенно добавляет тревожности и без того напряженному тексту.

Рассказ «Сундук» – это исследование безысходности. Хармс не дает новой надежды на разрешение безвыходного положения, но и не опровергает старой надежды на возможность из этого сложного положения выйти, потому что однозначного ответа быть не может.

---

⁴ Здесь и далее: *Липавский Л.* Разговоры // Московский наблюдатель. 1992. № 5–6. С. 54.

Анализ рассказа Д. Хармса «Сундук»

Библиография

Дневниковые записи Даниила Хармса / Публ. А. Устинова и А. Кобринского // Минувшее: Исторический альманах. № 11. М.; СПб.: Atheneum: Феникс, 1992. С. 417–583.

Липавский Л. Разговоры // Московский наблюдатель. 1992. № 5–6. С. 54.

Оборин Л. Даниил Хармс. Случаи // Сайт «Полка» <https://polka.academy/articles/571>
Просмотрено: 06.12.2019.

Сажин В.Н. Примечания // Хармс Д. И. Полное собрание сочинений: В 3 т. Т. 2: Проза. Драматические произведения. Авторские сборники. Незавершённое / Сост., подгот. текста, примеч. В.Н. Сажина. СПб.: Академический проект, 1997. С. 319–390.

Хармс Д.И. Сундук // Хармс Д.И. Случаи: Избранные произведения. Письма. М.: Эксмо, 2006. С. 329.